

ИСТОРИЯ

УДК 94(470) “1730”

К.Д. Бугров

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1730 г. И ИДЕОЛОГИЯ ПРОВИДЕНЦИАЛЬНОГО МОНАРХИЗМА

Статья посвящена анализу характера политического кризиса 1730 г. Показано, что факт избрания Анны Иоанновны на трон не имел необратимых последствий для легитимации ее царствования. В то же время идеология Верховного тайного совета не была по существу республиканской, поскольку верховники не выработали альтернативного взгляда на генезис и характер власти, что вынуждало их пользоваться сложившимся со времен Петра I политическим глоссарием провиденциального монархизма.

Ключевые слова: Российская империя; Верховный тайный совет; Феофан (Прокопович); абсолютизм; монархизм; республиканизм; конституционализм.

Со смертью Петра II в январе 1730 г. мужская линия Романовых пресеклась; российская элита столкнулась со сложным вызовом. Последовавшие события 1730 г., многократно оказывавшиеся в фокусе внимания исследователей, часто считаются первым республиканским эпизодом российской истории. Ряд исследователей характеризуют «кондиции» 1730 г. одновременно как конституционный опыт и как олигархическую по своей сути попытку членов Верховного тайного совета сосредоточить всю власть в своих руках [1. С. 191–192; 2. С. 161; 3. С. 89–105; 4. С. 12–15]. А.Б. Плотников, признавая конституционный характер документов верховников, обоснованно указывает на то, что действия Верховного тайного совета были продиктованы в значительной мере административной логикой, сложившейся за годы екатерининского царствования, когда верховники фактически управляли государством [5. С. 117–130].

Г.В. Протасов же, говоря об идеях «верховников», характеризует их цитатой из испанского посла в России, герцога де Лириа – «республиканский энтузиазм» [6. С. 103]. Достаточно популярным среди историков оказался тезис о конституционно-республиканском характере устремлений Верховного тайного совета [7–9]. С.А. Седов настаивает на том, что кризис 1730 г. был шансом для создания в России принципиально новой политической системы, основанной на шведских образцах [10. С. 47–80]. Наконец, С.В. Польской указывает на связь между идеями «верховников» и концепциями республиканизма, либерализма и естественного права [11. С. 116–118], одновременно признавая существование «республиканской партии» помимо Верховного тайного совета, состоявшей из «среднего дворянства», равно опасавшегося и «фамильных», и основной массы «шляхетства» [12. С. 59–64]. Наиболее же радикально интерпретировал «кондиции» К.А. Писаренко, полагающий, что В.Л. Долгорукий стремился – вопреки олигархическим предпочтениям Д.М. Голицына – к установлению «демократической республики» [13. С. 94–119].

Как мы постараемся показать ниже, интерпретация действий Верховного тайного совета в 1730 г. в республиканском духе не является в полной мере корректной. По нашему мнению, в условиях политиче-

ского кризиса 1730 г. российские элиты в основном по-прежнему оперировали концептами и понятиями провиденциального глоссария политической речи. Под провиденциальным глоссарием мы понимаем специфическую риторическую манеру, описывающую власть монарха как обладающую божественным происхождением и интенсивно использующую метафоры для уподобления государя святому, герою или даже божеству. Это явления В.М. Живов и Б.А. Успенский назвали «византинизация», указывая на то, что импорт барочной образности в российскую политическую культуру привел к возникновению панегирической риторики, в которой метафоры божественного характера власти могли читаться *буквально* [14].

Манифест Верховного тайного совета от 4 февраля 1730 г. констатировал пресечение мужской линии Романовых со смертью Петра II от оспы и указывал, что «того ради общим желанием и согласием всего Российского народа» на престол избрана тетка покойного императора, Анна Иоанновна. Однако в знаменитых «кондициях», составленных верховниками и предложенных Анне на подпись, воцарение обосновывалось в несколько иных категориях – «по воле всемогущего Бога и по общему желанию российского народа» [15. С. 137].

Казалось бы, конституционно-республиканский характер действий Верховного тайного совета подтверждается воспоминаниями участников событий 1730 г. Как позднее показывал на следствии член Верховного тайного совета князь В.Л. Долгорукий, другой верховник князь Д.М. Голицын говорил остальным участникам совета о том, что нужно «себе полехчить» и «воли себе прибавить». О том же, по словам Долгорукого, говорил Голицыну и генерал-аншеф П.И. Ягужинский: «Батюшки мои, прибавлять нам, как можно, воли!» [Там же. С. 184]. Более определенно высказывался о планах верховников дипломат и архитектор Ю.И. Кологривов, который показывал на следствии о своем разговоре с коллежским советником, членом Коммерц-коллегии Е.И. Мусиным-Пушкиным: «Оной Епафродит (Мусин-Пушкин. – К.Б.) упоминал, что самодержавию не рады знатные, а имянно, Голицыны, Долгоруковы, також и Михайла Матюшкин не очень то любит: он де италианец и мы

де с фамилиею своею республику любим. <...> Помянутой же Епафродит до пришествия ея императорского величества в Москву говорил с ним, Кологривовым, не худо б де, чтоб Верховный совет был, приводя все, дабы была республика. И говорил, хорошо б де, кабы баланс у нас был, а болше того ничего не говорили» [15. С. 199–200]. Казанский губернатор А.П. Волынский в письме своему кузену, бригадиру И.М. Волынскому, тоже утверждал, что Верховный тайный совет вводит республиканскую форму правления – правда, Волынского, в отличие от Мусина-Пушкина, подобная перспектива совсем не радовала [Там же. С. 80].

В этой связи важны особенности политического лексикона актов Верховного тайного совета в 1730 г., на которые обращает внимание А.Б. Плотников. Утвердив 18 февраля 1730 г. текст новой присяги, верховники убрали из текста характеристику Анны Иоанновны как «самодержицы»: «В основу общегосударственных присяг Екатерине I и Петру II был положен текст введенной Петром I “типовой” чиновничьей присяги, включенной в Генеральный регламент 1720 г. Приносилась она исключительно самодержцу. В присяге же 1730 г. термин “самодержавие в какой бы то ни было форме отсутствовал, Анна Иоанновна именовалась лишь “великой государыней императрицей”, а присягающий обещал быть “верным, добрым рабом и подданным” не только ей, но и “государству”» [5. С. 126]. Непосредственным источником для верховников, по мнению Плотникова, послужила «Форма присяги, по которой присягали на верность службы Кабинет-Министры и Сенаторы», утвержденная Верховным тайным советом в феврале 1726 г. В этом тексте речь шла о «верности Государыне Всемилоостивейшей Императрице и всему государству», а понятие «самодержавие» отсутствовало. В свою очередь, текст сенаторской присяги 1726 г. основывался на старой сенаторской присяге 1711 г., в которой термин «самодержавие» еще не употреблялся [Там же. С. 127].

Эта стратегия использования понятия «самодержавие», интересная сама по себе, обретает свое значение в контексте влияния на деятельность Верховного тайного совета политической практики шведской «Эры свобод», на которое вслед за шведским историком начала XX в. Х. Йерне [16] обращают внимание С.А. Седов [10] и С.В. Польской [17]. Возможно, отказ верховников от использования слова «самодержавие» мог означать, что Верховный тайный совет на концептуальном уровне копировал действия шведских коллективных органов власти. В шведских «Актах о форме правления» («Regierungsform») 1719–1720 гг. абсолютистское правление Карла XII характеризовалось как «неограниченное королевское единовластие (oinskränkte konungslige enväldet) или так называемый суверенитет» [18].

Основополагающие конституционные акты Швеции были вполне доступны представителям российской элиты. Действительно, как отмечает Г.А. Некрасов, в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) хранится подборка шведских документов, которые присылали российские дипломаты в Стокгольме первой половины XVIII в.: «Тут имеются

“форма правления” Фредрика I 1720 г., шведские правительственные указы 1721–1723 гг. и документы сессии риксдага 1723 г., инструкция военной коллегии 1723 г. и другие» [19. С. 334]. После ликвидации этого «королевского единовластия» риксдаг избегал называть себя суверенным: предпочтительным выражением было “*makttagande och lagbundna*” – “полномочный в пределах закона”» [20. Р. 67]. По-видимому, «кондиции» воспринимались именно как упразднение «самодержавия», которое, впрочем, Анна Иоанновна вскоре вновь «всемилостивейшее приняла», собственноручно «изодрав» пункты и упразднив Верховный тайный совет.

Даже если отказ от использования концепта «самодержавие» и означал копирование соответствующих стратегий шведского риксдага, все же верховники игнорировали ключевую для шведского опыта антитезу «неограниченного королевского единовластия» и «свободы сословий» при «добром управлении» представляющего их риксдага. И как бы мы ни характеризовали ту структуру, которую приобрела система власти в Российской империи на короткий промежуток времени зимой 1730 г., мы не можем назвать ее идеологические основания республиканскими. И.В. Курукин и А.Б. Плотников отмечают: «Ни верховники, ни их оппоненты не поднимались до принципиальной постановки вопроса о происхождении власти монарха и ее пределах: первые этого не желали намеренно; вторые, скорее всего, в массе не были к этому готовы» [15. С. 85–86]. Возможно, контуры «несамодержавной» России, промелькнувшие зимой 1730 г., могли до некоторой степени имитировать элементы европейских республиканских систем, но в целом это было уникальное явление, которое – на наш взгляд – заслуживает скорее тщательного анализа специфики, чем объяснения с помощью европейских аналогий.

Так, подписанные Анной кондиции *не являлись* частью договора, устанавливавшего избрание. Манифест о восшествии Анны на трон, как и предварительное письмо, направленное «верховниками» Анне в Митаву, вообще не содержат элементов теории общественного договора. Договорный характер носили только кондиции, последний пункт которых недвусмысленно указывал на *обратимый* характер избрания Анны в случае нарушения условий: «А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской» [Там же. С. 120].

Тексты Верховного тайного совета противоречили сами себе. В разработанных верховниками «пунктах присяги» говорилось, что императрица избрана «общим желанием» народа и что она утвердила *кондиции* для того, чтобы еще лучше управлять народом ради его же блага. Это помещало *кондиции* в длинный ряд блистательных достижений монарха-демиурга, трудящегося ради блага своих подданных – в случае Петра Великого в этом ряду находились созданные им Сенат, коллегии, армия, флот, новая столица Санкт-Петербург, фабрики и многое другое [21. С. 507–508; 22. С. 397–405] – но не придавало им договорного характера и не превращало Верховный тайный совет из учреждения, созданного монаршей волей, в носителя автономной легитимности.

В резком противоречии с этим утверждением находится последний пункт кондиций, который недвусмысленно указывает на договорные отношения, нарушение которых приведет к потере императрицей короны. Кто же является второй стороной договора? Кто правомочен установить факт нарушения условий и низложить монарха? Кто и каким образом будет в таком случае избирать нового государя? Идентифицировать источник этой формулировки чрезвычайно сложно: ее точные аналоги в европейской практике XVII–XVIII вв. нам неизвестны. Право подданных лишить монарха трона было определено в кондициях с легкостью, напоминающей о легендарной клятве арагонцев, служившей источником вдохновения для европейских монархов XVI в.: «Мы, столь же достойные, как ты, клянемся тебе, который не лучше нас, принять тебя как нашего короля и суверена, если ты будешь соблюдать наши права и свободы, но если нет, то нет» [23. Р. 5–7].

Однако в двух соседних с Россией государствах, где власть монарха была жестко ограничена правовыми актами и которые могли квалифицироваться как республики – в Швеции «эры Свобод» и в Речи Посполитой – аналоги такой формулировки отсутствовали. Шведская конституция, напротив, *заставляла* монарха исполнять принимаемые комиссиями риксдага решения – вплоть до того, что в середине XVIII в. было создано факсимиле подписи короля [24. Р. 268]. Кондиции же, открывавшиеся ссылкой на Божью волю в избрании монарха, завершались фразой о «лишении короны». Такая формулировка не имела прецедентов в российской истории, больше того – шла вразрез с существовавшей практикой сопредельных государств, где власть монарха была действительно ограничена представительными ассамблеями.

В тексте *кондиций* упомянуты следующие акторы: Бог, народ, монарх и Верховный тайный совет, который монарх наделял множеством привилегий и полномочий. Из этих акторов второй стороной властного договора с монархом мог быть только Верховный тайный совет; если это так, то кого и каким образом он представляет и откуда черпает свою легитимность? Эти вопросы не были прояснены ни в «кондициях», ни в манифесте о восшествии Анны на престол.

Конечно, верховники на практике стремились ограничить власть самодержицы, перераспределив эту власть в свою пользу; согласно «кондициям», отношения между императрицей и Верховным тайным советом оказались игрой с нулевой суммой, и в этом смысле кризис 1730 г. явился суровым вызовом для российской монархии. Память об этом кризисе была острой еще в 1762 г., когда Н.И. Панин в проекте манифеста об учреждении Императорского совета сетовал на то, что «при возведении на престол покойной императрицы Анны Иоанновны и самая самодержавная власть, никогда не разделяемая от... императорской короны, уже потрясена была» [18. С. 237]. Различные проекты, составленные представителями дворянства, рассматривали вопросы о формировании выборных органов власти (путем «балатирования», «балантирования», «балтирования»), своеобразном «балансе», четком порядке продвижения по службе.

«Пункты присяги», составленные Верховным тайным советом 4 февраля 1730 г., содержали заявление о том, что «не персоны управляют закон, но закон управляет персонами» [15. С. 205]. С.В. Польской усматривает в этой формулировке влияние идей Дж. Локка об общественном договоре [11]. Однако, по нашему мнению, верховники интерпретировали договорную теорию чрезвычайно своеобразно и совсем не попытались ее развить. Последний пункт «кондиций», содержащий обязательство договорного характера, предельно лаконичен и не позволяет даже с учетом известных сегодня бумаг Верховного тайного совета убедительно интерпретировать его характер и источник.

Иными словами, верховники вообще не попытались решить проблему собственной легитимности. Формулировка же, на которую обращает внимание С.В. Польской, была – по нашему мнению – обращена против монарших фаворитов, «ласкателей» на языке XVIII в. К тому же она по существу продолжает знаменитую петровскую формулировку указа «О хранении прав гражданских» (1722): «Все законы писать, когда их не хранить, или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти» [25. С. 656]. Поэтому кондиции невозможно рассматривать как момент рождения российской традиции договорных отношений между властью и подданными, ведь они носили характер *пожалования*, а не *договора*. А значит, при обосновании воцарения Анны использовался тот же провиденциальный политический язык.

Последовавшие события подтверждают такое заключение: в конечном счете императрица аннулировала «кондиции», надорвав свою подпись. Императорский манифест от 28 февраля 1730 г. подтверждал факт «избрания» Анны, однако добавлял, что «понеже потом верные ж Наши подданные, как духовные, так и светские, все единогласно Нас просили, дабы Мы Самодержавство в Нашей Российской Империи, как издревле прародители Наши, воспрять изволили» [15. С. 147]. Включенная в манифест новая форма присяги включала титулование Анны Иоанновны «самодержицей» – титул, который Верховный тайный совет исключил как из первого манифеста, так и из формы присяги.

Аннулирование кондиций совершилось при помощи той же ссылки на единогласную просьбу подданных, которая использовалась при их составлении. Как и прежде, под «гласом народа» понимался «глас Божий», и это давало Анне основание нарушить милостиво данное ранее императорское обещание. Факт «избрания» не предполагал, таким образом, ни ограничения власти императрицы, ни даже сдвига в представлениях о происхождении и характере императорской власти. Напротив, ограничение властных полномочий было следствием *обещания*. Ссылки на «единогласное» желание народа позволяли обосновать как ограничительные «кондиции», так и их аннулирование. В конечном счете, мотивировка самих «кондиций» оставалась вполне традиционной: наделение Верховного тайного совета новыми полномочиями провозглашалось необходимым, поскольку «целость и благополучие всякого государства от благих советов

состоит» [15. С. 119]. Но могла ли такая лаконичная формулировка убедительно поддержать те кардинальные перемены во властной структуре России, которые предположительно замыслились верховниками?

Ход кризиса 1730 г. можно интерпретировать так, что Анна вначале милостиво изволила пожаловать «кондиции», а потом – ради общего блага и по общему желанию! – аннулировала их. Об этом и говорили составители прошения о восстановлении самодержавия, поданного Анне Иоанновне 25 февраля 1730 г.: «Когда ваше императорское величество всемилостивейше изволили пожаловать всепокорное наше прошение своеручно для лутчаго утверждения и пользы отечества нашего сего числа подписать, недостойных себе признаем за так превосходную вашего императорского величества милость. Однако ж усердие верных подданных, которое от нас должность наша требует, побуждает нас, по возможности нашей, не показаться неблагодарными, для того, в знак нашего благодарства, всеподданнейше приносим и всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвалныя предки имели, а присланныя к вашему императорскому величеству от Верховного совета и подписанныя вашего величества рукою уничтожить» [15. С. 142].

Впрочем, во время событий 1730 г. проблема политической свободы – будь то освобождение, восстановление утраченной свободы или ее новое установление – так и не вышла на первый план; ни в документах Верховного тайного совета, ни в многочисленных проектах, разработанных представителями дворянства, речь о политической свободе (нации, народа, дворянства) не шла, по крайней мере, напрямую. Речь шла лишь о том, как следует организовать административный аппарат и уравновесить влияние «фамильных» аристократов.

Об этом говорит и анализ проектов, созданных в среде дворянства, съехавшегося в Москву на ожидавшееся торжество по случаю брака Петра II и Е.А. Долгорукой. Составители дворянских проектов уделили максимум внимания разным подходам к «балантированию» кандидатов на высшие государственные посты – именно об этом говорят сохранившиеся проекты. Предположительно, «балантирование» позволило бы лучше обеспечить «общее благо» благодаря большему представительству фамильных и шляхетства, но даже и расширенный состав властных органов – 21 человек, как предлагалось в «проекте двадцати пяти» и «проекте 364-х» [15. С. 209, 218] – был, по существу, весьма ограниченным [26. С. 14]. Что еще важнее, ни один из проектов не предполагал существования представительного органа: формируемые на основании «балантирования» в узкой группе социальной элиты, коллегиальные органы должны были помогать императрице управлять империей, а «сочинение» законов при необходимости осуществлялось бы путем формирования Уложенных комиссий или их аналогов под другими именами. Последующий исторический опыт покажет, что подобного рода представительные органы оказались вполне совместимы с абсолютной монархией.

А.Б. Плотников полагает, что «идейно-концептуальная основа манифеста 28 февраля была крайне неудобной для Анны Иоанновны, ставшей самодержавной правительницей, но иные обоснования ее восшествия на престол в то время отсутствовали» [5. С. 128] и что «у Анны Иоанновны не было иного выбора, кроме как согласиться на соблюдение правовой преемственности по отношению к “кондициям” и признать договорную форму своего воцарения» [5. С. 127–128]. Но избрание Анны оставалось легитимным именно потому, что «общая воля» подданных была фиктивным, а не процедурным волеизъявлением; никакого ущерба для императорской власти из факта такого избрания не вытекало. «Избрание» царицы вовсе не было связано в представлениях членов российских элит того времени с ограничением власти. Интересно, что и критики «затейки» верховников – например, Феофан или В.Н. Татищев – не подвергали критике саму формулу «избрания». Предметом их критики были «кондиции» – ограничительный акт (который можно было интерпретировать как вырванное силой пожалование) и создавший его Верховный тайный совет.

Таким образом, критике подвергся лишь факт присвоения верховниками властных полномочий, но не концептуальное основание, на котором Анна заняла трон. Кризис 1730 г. позволил идентифицировать притязания «фамильных» с аристократической формой правления и переосмыслить российскую историю заново [27. С. 52; 28].

Правда, В.Н. Татищев в «Произвольном и согласном разсуждении и мнении собравшегося шляхетства русского о правлении государственным» (1730–1750) критиковал порядок избрания Анны, заявив, что Верховный тайный совет преступил «закон естественный» (требующий согласия «всех подданных») и обвинив верховников в стремлении узурпировать верховную власть, как это сделали с императорской властью германские курфюрсты. Правда, Татищев добавлял: «Токмо сие избрание оставляется в молчании для того, что весь народ персоною ея величества доволен и никто не спорит. Токмо сие должно протестовать для порядка и сочинить на такой нечаянный случай закон, чтоб от такого беспорядка не воспоследовало то же, как коварным избранием Василия Шуйского все государство в смятение и крайнее разорение приведено было» [29. С. 146]. Упоминание о Василии Шуйском может опять-таки быть прочтено как критическая атака на «кондиции»: ведь Василий Шуйский, по мнению Татищева, при своем избрании изменил форму правления на аристократическую, чем вверг страну в море трудностей.

В целом факт избрания не мешал панегиристам прославлять Анну как самодержицу милостью Божьей. Так, в «Разсуждении о безбожии» (1730), говоря о существовании Провидения, которое не хотят признавать атеисты, Феофан вновь говорит о политике: «Но и от другаго разсуждения показуется промысл Божий, разсудим только человек ли в особности, ли в обществе, то есть в республиках и церковном собрании, разные случаи и состояния увидим <...> а как чрез таковые способы чудная происходят действия, а

особливо в Монарших домах, которых состоянию не только все государство обыкло себе уподоблять, но и в самом церковном теле разныя оттуду происходят перемены: то таковыя плоды с винмаи их внятно совокупляя, не лзя не признати дивнаго некоего смотра Божияго» [30. С. 24]. Например, злодеяния «худых людей», которые, казалось бы, навеки забыты, «самоудобнейше» открываются сами, «чтоб оным злодеям подобающей казни не избежать». Сам мировой порядок свидетельствует о существовании Промысла. Ведь в час опасности, когда «царству или государству настоит пагуба», мудрецы этого государства «будто ослепленными делаются, так что советов здравых не могут сыскать, ни сысканных принимать и по оным действовать» [30. С. 26]. Значит, нужно усматривать в этом не «фатальные союзы» или «фортуны», но «провиденцию оную чудную Божию». Именно Промысел привел к падению древних царей – Ровоама, Седекию, Дария Кодомана; что и говорить о церковной истории с примерами страшных гонений и преследований... Везде, согласно Феофану, следует усматривать «премудрое Божие правление».

А в «Слове в день воспоминания коронации Государыни Императрицы Анны Иоанновны в Санктпетербурге, проповеданном Апреля 28 дня 1732 года» Феофан сравнивал государя с головой, а государство – с телом; лишаясь головы, государство «тягостный некий нашедший на себе мрак видело», однако с воцарением наследника «дух и живот свой, аки бы уже изшедший от себе, ощущает аки бы паки в себе возвращающийся»: «Сие истое сотворил нам премилосердый Бог в прошлом тысяща семь сот тридесатом году, когда, по отшествии в вечная ПЕТРА втораго, державнейшую Императрицу нашу невидимоу десницею своею на престол Российский возвел, венценосцем Христом своим быти Ей повелел, и подал нам непобедимую и внутрь и вне заступницу и мать о чадах веселящуюся» [31. С. 214]. Далее – в соответствии с эпиграфом «Слова», взятым из Евангелия («Воздадите Кесарева Кесареви и Божия Богови») – Феофан пространно рассуждает о богоугодности повиновения подданных государям.

Обратимся теперь к параллельно формировавшейся традиции светской придворной поэзии. Как справедливо отмечает современная исследовательница Е. Погосян, «1730-е гг. в России – время, когда придворная культура получила тот вид и статус, в которых она существовала затем вплоть до эпохи Великих реформ 1860-х годов» [32]. Создателями жанра придворной оды при аннинском дворе выступали В.К. Третьяковский, Юнкер, Штелин и другие поэты и панегиристы; Е. Погосян говорит о 21 оде, созданной за десятилетнее царствование Анны Иоанновны, преимущественно авторами из Академии наук и из шляхетного корпуса.

Ярчайшим среди этих авторов был В.К. Третьяковский. Ода 1730 г., написанная им для Анны, включала ссылку на божественное происхождение власти императрицы и прославляла осуществившееся с ее воцарением преобразование России – наставший «золотой век» [33. С. 56]:

Все почитает должно Анну,
Самодержицу богом данну,
Верность имать сердечну.

Торжествуйте вси россиясти народы:
У нас идут златые годы.

В торжественных стихах, поднесенных Анне Иоанновне при прозаическом панегирике в 1732 г., Третьяковский декларировал [33. С. 126]:

Твое имя в веки пребудет,
Чрез неисчетны веков круги,
Чрез удаленные народы,
И чрез всю имать цвести вечность.
Тебе бог, венцем земным славу,
И небесным прославит вечно!
Воспой самодержицу, воспой, муза, Анну.

И в оде 1734 г. Третьяковский прославлял божественный характер аннинского избрания в следующих словах [32]:

Тебе, слава императрица,
Тебе, мать щедролубива,
Тя, самодержица правдива,
Крепкая, и сильная России десница.
А кто ж лучша могла нам быти?
Самим Богом ты предъизбранна,
Самим Богом нам дарованна:
Тебе мы с любовию должны все служитьи.

В панегирике выпускника кадетского корпуса (а впоследствии – успешного чиновника) М.Г. Собакина «Благополучное соединение свойств, потребных к правлению великих империй» (1738), написанном нехарактерным для того времени свободным стихом, тоже воспроизводятся основные клише о монархической власти. К примеру, Собакин использует фигуру воплощения – Анна тоже оказывается новым Петром Великим [34]:

Все будущее изобилие
Удержала Божия рука до осиротевших времен,
В которые внук Великого Петра уступил
высочайшей в свете Государыне,
То есть той, которая сердце, воспламененное
Петровым духом,
Блестает равною храбростию, разумом
и мудростию,
И чрез которую север получил свет
почтения достойный,
Свет толь полезный, который токмо
от великодушных сердец происходит.
Малое пространство вдовствующего
Курландского престола
Определенныя к империи главы вместить
не могло.

В панегирике Собакина власть Анны предстает как результат божественного предначертания, и одновременно – как достойное воздания великим качествам самой императрицы [Там же]:

В тебе, Августейшая Монархия! соединяются
все добродетели,
Храбрость является во всех твоих движениях,
Мудрость украшается больше Тобой, нежели
собственным своим преимуществом.
Ты содружна страху Божию, а паче самому Богу.
<...>
Едва токмо восприемлешь ты какое полезное
намерение,
То твои подданные от того уже и получают
изобильное благополучие,

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб. : Лениздат, 1994. 496 с.
2. Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России и их западные источники // Мир России. Социология. Этнология. 1996. № 1. С. 154–194.
3. Пронкин С.В. Политические намерения Верховного Тайного совета в 1730 г. // Вестник Московского государственного университета. Серия 21: Управление (Государство и общество). 2011. № 3. С. 89–105.
4. Белова Т.А. Политическое движение 1730 г. и Верховный Тайный совет // Омский научный вестник. 2012. № 4 (111). С. 12–15.
5. Плотников А.Б. Акты ограничения самодержавной власти и политические проекты в России в 1730 году (итоги источниковедческого изучения) // Российская история. 2008. № 6. С. 117–130.
6. Протасов Г.В. Верховный тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы. Тамбов : Тамбовский гос. пед. ин-т., 1970. Вып. 1. С. 65–103.
7. Гордин Я.А. Меж рабством и свободой, 19 января – 25 февраля 1730 г. СПб. : Изд-во Пушкинского фонда, 2004. 378 с.
8. Янов А.Л. Драма смутного времени (Дело 1730 года) // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 159–177.
9. Данилов А. Г. Альтернативы в истории России: миф или реальность (XIV–XIX вв.). Ростов н/Д : Феникс, 2007. 317 с.
10. Седов С.А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 47–80.
11. Польской С.В. Политические идеи Д. Локка в России в 1-й половине XVIII в. // Философский век. СПб. : Санкт-Петербургский центр истории идей, 2001. № 19. С. 116–118.
12. Польской С.В. Внутрисословная стратификация дворянства и «конституционное» движение 1730 г. // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 82. С. 59–64.
13. Писаренко К.А. Тайны дворцовых переворотов. М. : Вече, 2009. 400 с.
14. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры : в 2 т. М. : Гнозис, 1994. Т. 1.
15. Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М. : Квадрига, 2010. 280 с.
16. Hjärne H. Ryska konstitutionsprojekt år 1730 efter svenska förebilder // Historisk Tidskrift. Fjerde Argangen. Stockholm : P.A. Norstedt & Soner, 1884. P. 189–282.
17. Польской С.В. «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 году // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XX веках. Самара : Парус, 2001. С. 174–178.
18. Бугров К.Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина. Екатеринбург : БКИ, 2015. 272 с.
19. Некрасов Г.А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М. : Наука, 1975.
20. Roberts M. The Age of Liberty. Sweden 1719–1772. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. 244 p.
21. Гавриил Бужинский. Похвальное слово, произнесенное в празднуемый уже в 52-й раз день рождения всепресветлейшего и державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всея России. В царствующем граде Петрополе 30 мая 1723 года, в церкви Святой Троицы, в торжественном присутствии Его императорской фамилии, Синода и Сената и многочисленного народа // Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1901.
22. Перетц В.Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. М. : Изд. Имп. Академии наук, 1903.
23. Giese R. If Not, Not. The Oathe of the Aragonese and the Legendary Laws of Sobrarbe. Princeton : Princeton University Press, 1968. 288 p.
24. Andersson I. A History of Sweden. New York ; Washington : Praeger Publishers, 1975. 461 p.
25. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. VI: 1720–1722. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830.
26. Белова Т.А. Конституционные проекты 1730 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5. С. 13–15.
27. Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. № 6 (153). С. 18–53.
28. Bugrov K.D. Russia's Territorial Size as a Concept for Domestic Politics: Territory, Military Strength and Form of Government in 18th century Russian Political Thought // Bylye Gody. 2015. Vol. 37, is. 3. P. 491–498.
29. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л. : Наука, 1979. 464 с.
30. Феофан Прокопович. Разсуждение о безбожии, сочиненное архиепископом Великого Новагорода и Великих Лук, Феофаном Прокоповичем. М. : Вольная тип. Лопухина, 1784. 56 с.
31. Феофан Прокопович. Слова и речи поучительныя, похвалныя и поздравительныя. СПб., 1765. Ч. III.
32. Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту: Tartu Ülikooli, 1997. (Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis. 3.). URL: <http://www.ruthenia.ru/document/537493.html>
33. Тредиаковский В.К. Избранные произведения. М. ; Л. : Сов. писатель, 1963. 571 с.
34. Собакин М. Благополучное соединение свойств. Вступительное слово М. Амелина // Арион. 2007. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2007/3/so25.html>
35. Сумароков А.П. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1957. 607 с.
36. Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1986. 558 с.
37. Щербатов М.М. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. 632 с.
38. Whittacker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb : Northern Illinois University Press. 2003. 308 p.
39. Жиленко А.С. Верховный Тайный совет в системе властеотношений Российской Империи (1726–1730 гг.): историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар : Кубан. гос. аграр. ун-т, 2016. 206 с.
40. Курукин И.В. Платон Зубов – «министр всех частей правления»: фаворитизм на исходе XVIII столетия // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 200–226. DOI: <http://dx.doi.org/10.15826/qr.2015.3.119>

Статья представлена научной редакцией «История» 26 января 2018 г.

THE POLITICAL CRISIS OF 1730 AND THE IDEOLOGY OF PROVIDENTIAL MONARCHISM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 96–104.

DOI: 10.17223/15617793/427/12

Konstantin D. Bugrov, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Keywords: Russian Empire; Supreme Privy Council; Feofan (Prokopovich); absolutism; monarchism; republicanism; constitutionalism.

The paper deals with the analysis of the political crisis of 1730 in Russia. The author questions the influential approach which treats the political aspirations of the Supreme Privy Council as “republican” and constitutionalist. Even though some of the contemporaries indeed perceived the crisis as an attempt to introduce the republican form of government, the projects designed by the Supreme Privy Council lacked any innovative ideology regarding the genesis and character of political power. Thus, the Supreme Privy Council had to use the more traditional political glossary of providential monarchism based upon the recognition of royal charisma deriving directly from God; such a manner had already been developed in the court panegyric and sermon of the Petrine time. The very “conditions” that supposedly limited the power of the monarch were presented as the monarch’s gift to his subjects, alongside with the army, the fleet, the state apparatus, industry and science, all “created” by Peter the Great, as the official ideology was saying. Thus, the conceptual language of the projects of the Supreme Privy Council suffered from contradictions, while the part of “conditions” that threatened the newly elected Anna Ioannovna with the loss of the crown in case she broke her promise had no analogues in the European republican and constitutional tradition. Consequently, the power of Anna Ioannovna was described as deriving from Providence by means of a popular “vote”, and the recognition of such a “vote” could not lead to any limitation of her sovereign power. The refusal from “conditions” that the Supreme Privy Council imposed upon Anna was exactly an act of pursuit of the “common good” by the empress made at the request of her loyal subjects. Later, the providential legitimacy of Anna was never put to doubt, for the panegyrists like V.K. Tredyakovskii or Feofan (Prokopovich) described her as a “God-given” monarch. Since the Supreme Privy Council attempted to impose limitations on Anna’s power while simultaneously recognizing her as a “God-given” monarch, its projects could not be characterized as “republican”, and could only be seen as “constitutionalist” in a very broad sense. In addition, the very attempt of the Supreme Privy Council to bind Anna Ioannovna by a written promise can be interpreted (following A.B. Plotnikov’s opinion) within the administrative and organizational logic of the reign of Catherine I, when the members of the council de facto ruled the Empire, and, under new circumstances, probably decided to guarantee their position by means of a written act.

REFERENCES

1. Anisimov, E.V. (1994) *Rossiya bez Petra: 1725–1740* [Russia without Peter: 1725–1740]. St. Petersburg: Lenizdat.
2. Medushevskiy, A.N. (1996) Konstitutsionnye proekty v Rossii i ikh zapadnye istochniki [Constitutional projects in Russia and their Western sources]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 1. pp. 154–194.
3. Pronkin, S.V. (2011) Political intentions of the Supreme privy council in 1730. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (Gosudarstvo i obshchestvo)*. 3. pp. 89–105. (In Russian).
4. Belova, T.A. (2012) Political movement in 1730 and Supreme Privy Soviet. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 4 (111). pp. 12–15. (In Russian).
5. Plotnikov, A.B. (2008) Akty ogranicheniya samodержavnoy vlasti i politicheskie proekty v Rossii v 1730 godu (itogi istochnikovedcheskogo izucheniya) [Acts limiting autocratic power and political projects in Russia in 1730 (the results of source study)]. *Rossiyskaya istoriya*. 6. pp. 117–130.
6. Protasov, G.V. (1970) Verkhovnyy taynyy sovet i ego proekty 1730 goda (istochnikovedcheskoe izuchenie) [The Supreme Privy Council and its projects of 1730 (source study)]. *Istochnikovedcheskie raboty*. 1. pp. 65–103.
7. Gordin, Ya.A. (2004) *Mezh rabstvom i svobodoy, 19 yanvarya – 25 fevralya 1730 g.* [Between slavery and freedom, January 19 – February 25, 1730]. St. Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo fonda.
8. Yanov, A.L. (1994) Drama smutnogo vremeni (Delo 1730 goda) [Drama of the troubled times (The case of 1730)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 159–177.
9. Danilov, A.G. (2007) *Al'ternativy v istorii Rossii: mif ili real'nost' (XIV–XIX vv.)* [Alternatives in the history of Russia: myth or reality (14th–19th centuries)]. Rostov-on-Don: Feniks.
10. Sedov, S.A. (1998) Popytka gosudarstvennogo perevorota 1730 goda v Rossii [An attempt of a coup in 1730 in Russia]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 47–80.
11. Pol'skoy, S.V. (2001) Politicheskie idei D. Lokka v Rossii v 1-y polovine XVIII v. [J. Locke’s political ideas in Russia in the first half of the 18th century]. *Filosofskiy vek*. 19. pp. 116–118.
12. Pol'skoy, S.V. (2011) The internal stratification of the nobility and the “constitutional” movement in 1730. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Samara State University*. 82. pp. 59–64. (In Russian).
13. Pisarenko, K.A. (2009) *Tayny dvortsovykh perevorotov* [Secrets of palace coups]. Moscow: Veche.
14. Zhivov, V.M. & Uspenskiy, B.A. (1994) Tsar’ i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii [Czar and God. Semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia]. In: Uspenskiy, B.A. *Izbrannyye trudy. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury: v 2 t.* [Selected works. Semiotics of history. Semiotics of culture: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Gnozis.
15. Kurukin, I.V. & Plotnikov, A.B. (2010) *19 yanvarya – 25 fevralya 1730 goda: sobyitiya, lyudi, dokumenty* [January 19 – February 25, 1730: events, people, documents]. Moscow: Kvadriga.
16. Hjarne, H. (1884) Ryska konstitutionsprojekt år 1730 efter svenska förebilder [Russian constitutional project in 1730 after Swedish role models]. *Historisk Tidskrift*. 4. pp. 189–282.
17. Pol'skoy, S.V. (2001) “Shvedskiy obrazets” i popytka ogranicheniya samodержaviya v Rossii v 1730 godu [“The Swedish model” and an attempt to limit the autocracy in Russia in 1730]. In: Buttner, R., Dubina, V. & Leonov, M. (eds) *Problemy natsional'noy identifikatsii, kul'turnye i politicheskie svyazi Rossii so stranami Baltiyskogo regiona v XVIII–XX vekakh* [Problems of national identification, cultural and political ties of Russia with the countries of the Baltic region in the 18th–20th centuries]. Samara: Parus.
18. Bugrov, K.D. (2015) *Monarkhiya i reformy. Politicheskie vzglyady N.I. Panina* [Monarchy and Reform. Political views of N.I. Panin]. Ekaterinburg: BKi.
19. Nekrasov, G.A. (1975) Uchrezhdenie kollegiy v Rossii i shvedskoe zakonodatel'stvo [Establishment of collegia in Russia and Swedish legislation]. In: Pashuto, V.T. (ed.) *Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noy Rossii* [Society and the state of feudal Russia]. Moscow: Nauka.
20. Roberts, M. (1986) *The Age of Liberty. Sweden 1719–1772*. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Buzhinskiy, G. (1901) Pokhval'noe slovo, proiznesennoe v prazdnuemyy uzhe v 52-y raz den' rozhdeniya vspresvetleyshego i derzhavneyshego Petra Velikogo, imperatora i samodержitza vseya Poccii. V tsarstvuyushchem grade Petropole 30 maya 1723 goda, v tserkvi Svyatoy Troitsy, v torzhestvennom prisutstvi Ego imperatorskoy famili, Sinoda i Senada i mnogochislennogo naroda [A panegyric delivered at the celebrated 52rd birthday of the most celebrated and most powerful Peter the Great, the emperor and autocrat of all Russia. In the reigning city of Petropolis on May 30, 1723, in the church of the Holy Trinity, in the solemn presence of His Imperial family, the Synod and the Senate and the numerous people]. In: *Propovedi Gavriila Buzhinskogo (1717–1727). Istoriko-literaturnyy material iz epokhi preobrazovaniya* [Sermons by Gavriil Buzhinsky (1717–1727). Historical and literary material from the era of transformation]. Yuryev: Tip. K. Mattisena.
22. Peretts, V.N. (1903) *Pamyatniki russkoy dramy epokhi Petra Velikogo* [Monuments of Russian drama of the era of Peter the Great]. Moscow: Izd. Imp. Akademii nauk.
23. Giesei, R. (1968) *If Not, Not. The Oathe of the Aragonese and the Legendary Laws of Sobrarbe*. Princeton: Princeton University Press.
24. Andersson, I. (1975) *A History of Sweden*. New York; Washington: Praeger Publishers.

25. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. VI: 1720–1722. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. kantselyarii.
26. Belova, T.A. (2013) Konstitutsionnye proekty 1730 g. [Constitutional projects of 1730]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorika – Tomsk State University Journal of History*. 5. pp. 13–15.
27. Kiselev, M.A. (2013) Forma pravleniya i sotsial'naya ierarkhiya v rossiyskoy politicheskoy mysli XVII – pervoy chetverti XVIII veka [The form of government and social hierarchy in the Russian political thought of the 17th – first quarter of the 18th centuries]. *Istoricheskiy vestnik*. 6 (153). pp. 18–53.
28. Bugrov, K.D. (2015) Russia's Territorial Size as a Concept for Domestic Politics: Territory, Military Strength and Form of Government in 18th century Russian Political Thought. *Bylye Gody*. 37:3. pp. 491–498.
29. Tatishchev, V.N. (1979) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Nauka.
30. Prokopovich, F. (1784) *Razsuzhdenie o bezbozhii, sochinennoe arkhiepiskopom Velikago Novgoroda i Velikikh Luk, Feofanom Prokopovichem* [The reasoning about godlessness, composed by the archbishop of Veliky Novgorod and Velikiye Luki, Feofan Prokopovich]. Moscow: Vol'naya tip. Lopukhina.
31. Prokopovich, F. (1765) *Slova i rechi pouchitel'nyya, pokhvalnyya i pozdravitelnyya* [Words and speeches: instructive, praising and congratulatory]. Pt. III. St. Petersburg.
32. Pogosyan, E. (1997) *Vostorg russkoy ody i reshenie temy poeta v russkom panegirike 1730–1762 gg.* [The delight of the Russian ode and solution of the poet's theme in the Russian panegyric of 1730–1762]. Tartu: Tartu Ülikooli. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/document/537493.html>.
33. Trediakovskiy, V.K. (1963) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
34. Sobakin, M. (2007) Blagopoluchnoe soedinenie svoystv. Vstupitel'noe slovo M. Amelina [A successful combination of properties. Introduction speech by M. Amelin]. *Arion*. 3. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/arion/2007/3/so25.html>
35. Sumarokov, A.P. (1957) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
36. Lomonosov, M.V. (1986) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
37. Shcherbatov, M.M. (2010) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: ROSSPEN.
38. Whittacker, C. (2003) *Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue*. DeKalb: Northern Illinois University Press. 308 p.
39. Zhilenko, A.S. (2016) *Verkhovnyy Taynyy sovet v sisteme vlastemosheniy Rossiyskoy Imperii (1726–1730 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie* [The Supreme Privy Council in the power relations of the Russian Empire (1726–1730): a historical and legal study]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
40. Kurukin, I.V. (2015) Platon Zubov – the minister of all ministries: favoritism in the late 18th century. *Quaestio Rossica*. 3. pp. 200–226. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15826/qr.2015.3.119>

Received: 26 January 2018